

Научная статья

УДК 94(549.1)

doi: 10.17223/19988613/96/18

Значение донесений немецких военно-морских атташе в Лондоне и Петербурге для формирования морской политики Германии в 1904–1912 гг.

Станислав Николаевич Синегубов¹, Сергей Павлович Шилов²,
Николай Викторович Кудрявцев³

¹ Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал)

Тюменского государственного университета, Ишим, Россия

² Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

³ Югорский государственный университет, Сургут, Россия

¹ globus_75@inbox.ru

² sshilov@mail.ru

³ nvkudryavtsev@mail.ru

Аннотация. Анализируются донесения немецких военно-морских атташе, которые были аккредитованы в столицах двух главных соперников кайзеровской Германии в Северном и Балтийском морях – Великобритании и России – в период 1904–1912 гг. Именно в это время окончательно оформилась основная стратегическая внешнеполитическая и «морская» линия официального Берлина по отношению к данным государствам. Свой вклад в подобную экспликацию внесли представители ведомства статс-секретаря А. Тирпица. Исследование помогает глубже понять, на какие основные параметры военно-морской политики немцев, касающейся англичан и русских, они оказали наибольшее влияние.

Ключевые слова: военно-морская политика, морское соперничество, военно-морские атташе, кайзеровская Германия, Великобритания, Россия

Для цитирования: Синегубов С.Н., Шилов С.П., Кудрявцев Н.В. Значение донесений немецких военно-морских атташе в Лондоне и Петербурге для формирования морской политики Германии в 1904–1912 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 142–153. doi: 10.17223/19988613/96/18

Original article

The significance of the German navigation attaches' reports from London and Petersburg for the formation of Germany's marine policy in 1904–1912

Stanislav N. Sinegubov¹, Sergey P. Shilov², Nikolai V. Kudryavtsev³

¹ Ishim P.P. Ershov Teachers Training Institute (the branch)
of the University of Tyumen, Ishim, Russian Federation

² University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

³ Yurga State University, Surgut, Russian Federation

¹ globus_75@inbox.ru

² sshilov@mail.ru

³ nvkudryavtsev@mail.ru

Abstract. The article deals with the German naval attaches' reports from London and St. Petersburg in the period of 1904–1912 and identifies their influence on the general maritime policy of Kaiser Germany in relation to Great Britain and Russia formation. These two states were of special importance in the maritime department of State Secretary A. Tirpitz and in the Ministry of Foreign Affairs in Wilhelmstrasse. The success of the Second Reich "world policy" depended to a large extent on the achievements in the "British and Russian directions", and its actively built new battle fleet was to become its instrument. In Russian and foreign research literature, the role of the the Naval Ministry representatives' messages in the indicated time period taken in parallel comparison did not become the subject of a separate study. The ability to analyze documents from the German Military Archive (Freiburg) allows us to close this gap. The messages of the German naval attachés K. Coerper, W. Wiedenmann in the UK, P. Hintze, W. Keyserlingk in Russia are valuable and significant not only in their contents, but also to understand their importance for the German political and military authorities, who were solving difficult issues of implementing the naval strategy formulated at the turn of the century in the context of intensively transforming international relations. Unlike their colleagues in other countries, K. Coerper, W. Wiedenmann, P. Hintze due to the principal significance of the "English" and "Russian" directions, carried out not only the analysis of the current naval situation, predicted its further evolution and gave recommendations on this matter, but also projected the ongoing precedents in their area of responsibility onto "big politics". In fact, they went beyond

their competence, which caused great dissatisfaction on the part of the German Ministry of Foreign Affairs representatives and Reich Chancellors B. Byulov and T. Bethmann-Hollweg, which led to conflicts and even to removal from offices as it happened, for instance, with K. Coerper and W. Wiedenmann. From the very beginning of his activity in Russia, P. Hintze occupied a somewhat different, "higher" position in this sense and had the rights of personal reports to Emperor Wilhelm II, he also had a wide circle of contacts in various spheres of the Russian society and even audiences with Tsar Nicholas II. It is noteworthy that the subsequent naval attachés in London and St. Petersburg after W. Wiedenmann and P. Hintze never played such a significant role. This can be seen in the example of W. Keyserlingk's activity. Their "factual" contribution to the understanding of the general information and analytical picture of Great Britain and Russia's maritime policy was no longer generalizing because of its overall clarity and certainty in the main points.

Keywords: naval policy, maritime rivalry, naval attaches, Imperial Germany, Great Britain, Russia

For citation: Sinegubov, S.N., Shilov, S.P., Kudryavtsev, N.V. (2025) The significance of the German navigation attaches' reports from London and Petersburg for the formation of Germany's marine policy in 1904–1912. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 142–153. doi: 10.17223/19988613/96/18

Период 1904–1912 гг. стал рубежным в истории Европы и мира в целом. Именно в эти годы окончательно сформировались два противостоящих друг другу блока – Тройственный союз и Антанта. Кроме того, провалились все попытки достижения компромисса между ними, а также усилия расколоть единство государств, входящих в то или иное объединение, одним из представителей противоположной стороны. Как итог – оформление тенденции к достижению лучших военно-политических позиций для решения обостряющихся противоречий через войну.

Спланированное статс-секретарем А. Тирпицем и всемерно поддержанное императором Вильгельмом II активное военно-морское строительство, к которому кайзеровская Германия приступила после принятия в июне 1900 г. II флотского закона для решения своих геополитических и экономических задач, неизбежно должно было ускорить ухудшение и без того непростых отношений с морской державой № 1 на земном шаре – Великобританией. О том, что это будет именно так, становилось ясно еще до того, как рейхстаг окончательно утвердил параметры нового императива. Достаточно сослаться на одну из речей рейхсканцлера Б. Бюлова в одной из парламентских комиссий в марте того же 1900 г., где он недвусмысленно говорил об опасности войны с Великобританией [1. С. 193]. И уж тем более глава немецкого правительства не скрывал намерений защититься от возможного нападения англичан, когда убеждал депутатов одобрить предложенный им законопроект [2. С. 47–48].

Осознание «немецкой морской угрозы» для самих британцев пришло не сразу. Хотя после июня 1900 г. в Лондоне отмечали, что, когда Германия создаст новейшие корабли, им потребуется всего десять часов, чтобы достигнуть устья Темзы [3. Р. 57]. Более того, некоторые военные предлагали уничтожить еще только начавшийся строиться германский флот. Однако в целом настроение было более или менее спокойным, но уже с конца 1901 г. от него не осталось и следа [4. Р. 106]. Дальше, как говорится, больше. После спуска на воду англичанами нового линейного корабля Dreadnought в 1905 г. и утверждения немцами флотской новеллы 1906 г., провозгласившей переход к созданию однотипных dreadnought боевых судов, гонка морских вооружений между двумя странами вступила в открытую фазу, доходившую порой до так называемых «военных

паник». Попытки добиться компромиссной договоренности продолжались вплоть до весны 1912 г., когда окончательно стало ясно, что разрешить эти морские противоречия возможно только военным путем.

С Россией у Германии отношения складывались несколько иначе, не так драматично. В 1903–1904 гг. в Берлине решали вопрос о возможном морском союзе. Русско-японская война 1904–1905 гг. поставила жирную точку в дискуссиях политиков и военных по этому поводу, поскольку стало ясно, что военно-морской потенциал Российской империи восстановит нескоро, а потому ее ценность как союзника крайне невелика. Вместе с тем, учитывая подписанное «сердечное согласие» между Великобританией и «заклятым другом» немцев Францией в 1904 г., а также Англо-русское соглашение 1907 г. о разделе сфер влияния в Средней Азии, «русский фактор» по-прежнему имел большое значение в расчетах берлинских стратегов. К тому же после Потсдамского соглашения 1911 г. немецкие политики и военные окончательно смирились с мыслью о нереальности оторвать Россию от Антанты и тем самым выйти из замкнутого круга возможной «войны на два фронта». Однако еще и до этого знакового события, да и после, действия русских на Балтике и Черном море находились под их пристальным вниманием. Поэтому «русский фактор» для официального Берлина была всегда актуальной.

Понятно, что на всем протяжении 1904–1912 гг. донесения представителей ведомства А. Тирпица играли определенную роль в формировании не только военно-морской, но и государственной политики кайзеровской Германии в целом в отношении британской и российской империй. В этой связи встает вопрос, насколько донесения из Лондона и Петербурга влияли на ее выработку, кто из военно-морских атташе, скажем так, был наиболее значимым для германских руководителей.

Согласно определению, представленному в «Морском биографическом словаре» А.Ф. Ткаченко, военно-морской атташе является «советником посла по военно-морским вопросам» и представляет военно-морские силы своего государства в стране пребывания. Он обладает всеми привилегиями, присущими дипломатическому работнику [5. С. 413]. Помимо сбора специальной морской информации, в том числе и разведывательного характера, он в зависимости поставленных задач и сложности переживаемого военно-политического

момента может собирать, анализировать и передавать данные политического характера.

Если говорить о Великобритании, то в рассматриваемый период там служили два представителя германского военно-морского министерства: с 5 декабря 1904 по 31 марта 1907 г. – Карл фон Керпер, а с 1 апреля 1907 до 4 апреля 1912 г. – Вильгельм Виденман. Первый был вначале в звании фрегаттен-капитана (капитан 2-го ранга), затем получил повышение до капитана цур зее (капитан 1-го ранга). Второй, соответственно, начинал с капитан-лейтенанта, а покидал Лондон, уже будучи корветтен-капитаном (капитан 3-го ранга) [6].

В период деятельности К. Керпера в Лондоне произошли значимые события, повлиявшие существенным образом на корелативность между странами, но главное заключалось в том, что морское соперничество, со всеми ее сопутствующими политико-военными событиями, приняло открытый характер. Этому в немалой степени способствовали так называемая «дредноутная революция» 1905 г., принятие Германией второй флотской новеллы 1906 г. и начало подготовки третьей, утвержденной рейхстагом в 1908 г., когда К. Керпер уже оставил свой пост.

Военно-морской атташе приступил к исполнению своих обязанностей в начальный момент очевидного обострения германо-британских отношений. Здесь необходимо напомнить, что после Гульсского инцидента в октябре 1904 г., когда по ошибке русскими военными кораблями в составе эскадры вице-адмирала З.П. Рожественского, шедшей на Дальний Восток, были обстреляны британские рыболовецкие шхуны с человеческими жертвами, разгорелся международный дипломатический скандал. В него были вовлечены не только русская и британская стороны, что вполне понятно, но и немецкая. Однако если Лондону удалось, с посреднической помощью Парижа, уладить возникшую проблему с Петербургом путем получения компенсационной выплаты, то с Берлином все обстояло совсем иначе [7. S. 269]. Британцы предъявили немцам обвинение в нарушении ими статуса нейтральной стороны в Русско-японской войне, поскольку те снабжали русские корабли углем, а потому, как они считали, повинны в трагическом происшествии.

В ноябре 1904 г. дело дошло до прямых угроз нападения на Германию со стороны английских высокопоставленных военно-морских чинов. На другой стороне Ла-Манша все это воспринимали очень серьезно. Ведь под сокрушающий удар мог попасть только что начинающий строиться молодой германский флот, с которым связывались далекоидущие планы «мировой политики» II рейха. На одном из совещаний в ноябре 1904 г. с участием кайзера Вильгельма II и А. Тирпица было прямо заявлено, что на данный момент нельзя допустить войны с Англией по причине неготовности к ней военно-морских сил. Для последних еще требуется время, чтобы окрепнуть и превратиться в серьезный аргумент в подобного рода межгосударственных обострениях [8. S. 311].

В этих условиях германский военно-морской атташе К. Керпер также был привлечен к работе по недопущению войны между Великобританией и Германией.

Его задача заключалась в предоставлении немецкому послу в Лондоне В. Меттерниху, а также А. Тирпицу информации о состоянии британских военно-морских сил, их нацеленности на атаку германского побережья, и прежде всего бомбардировку главных морских баз – Киля и Вильгельмсхафена. Именно благодаря ему в Берлине располагали точными данными о составе и численности английских боевых судов в Северном море на конец 1904 – начало 1905 г. Так, в одном из своих выступлений император Вильгельм II, страстно обличая во лжи англичан, заявлявших, что якобы немцы готовятся напасть на Британские острова, констатировал соотношение линейных и крейсерных кораблей двух стран в пропорции 43 и 140 к 14 и 20 [9. S. 374]. Несомненно, что и на совещании, созванном рейхсканцлером Б. Бюловым 21 декабря 1904 г. по причине резкого ухудшения германо-британских отношений, присутствовавший В. Меттерних располагал сведениями о мощности британского флота, почерпнутыми в том числе и из донесений К. Керпера. Правда, посол в отличие от атташе считал, что англичан можно «утихомирить» и снять угрозу войны, если дать им гарантию непринятия какого-либо дополнения к флотскому закону 1900 г., т.е. новеллы, детализация которой шла полным ходом [10. S. 315].

Следует отметить, что К. Керпер работал «не за страх, а за совесть» в тирпицевском политико-идеологическом поле. Он разделял мнение своего патрона, что с Великобританией нужно вести себя сдержанно до тех пор, пока германский флот не окреп. Он также считал, что не надо специально афишировать в обществе достижения на поприще флотского строительства не только через газеты и журналы, но и даже в частных разговорах с представителями британских государственных структур, в первую очередь Адмиралтейства. Поэтому К. Керпер в общении со своими британскими коллегами был сдержан и немногословен, старался больше наблюдать, анализировать, слушать и меньше говорить по «больному» для них вопросу «германской угрозы», постоянно обсуждаемому с конца 1904 г. в медийном пространстве [11. S. 184]. Такая позиция себя оправдывала, поскольку вплоть до конца 1905 г. тема войны продолжала держать в определенном напряжении как обывательское население, так и руководящие военно-политические круги Великобритании и Германии. В июне 1905 г. на одной из встреч на самом высоком уровне с участием кайзера, начальника германского Генерального штаба Г. Мольтке, рейхсканцлера Б. Бюлова было засвидетельствовано, что столкновение с «туманным Альбионом» неизбежно и оно будет носить затяжной характер. Однако Германия на данный момент очевидным образом не готова к серьезным боестолкновениям не только на море, но и на суше. В этом признавался и сам кайзер в одном из писем к Б. Бюлову в декабре 1905 г. [12. S. 95].

Тем не менее ситуация развивалась таким образом, что в ноябре 1905 г. Вильгельм II вынужден был даже вызвать В. Меттерниха из Лондона для консультаций и демонстрации англичанам серьезной настроенности немцев. Более того, он акцентированно провел частичную мобилизацию флота [3. P. 131]. Потом В. Меттер-

ниху, недовольному такими действиями своего императора, как, впрочем, и К. Керперу, напротив, одобрявшему такой ход монарха, пришлось давать объяснения английским визави. В целом комментарии сводились к тому, что Берлин вынужден был предпринять ответные меры на явно недружественные публичные высказывания и заявления некоторых официальных британских чинов, подкрепленные к тому же действиями по переброске боевых судов с Дальнего Востока в Северное море после заключения Англо-японского союза в августе 1905 г. В резиденции кайзера и министерстве А. Тирпица это расценивали как антинемецкую акцию [13. С. 585–586]. При этом дипломат и военно-морской атташе убеждали, что в действительности германская сторона в своей флотской политике преследует исключительно оборонительные цели, находящиеся в общих рамках обеспечения национальной безопасности, и в мыслях даже не держит оспорить морское могущество Великобритании.

1905 год закончился напряженно, но все-таки мирно. Хотя, как показали события последующих шести лет, вопрос возможной германо-британской морской войны не сходил с повестки дня в двусторонних отношениях. Начиная с «дредноутной революции», организованной англичанами в 1905 г., шансы Германии на осуществление поставленной А. Тирпицем еще в 1899 г. цели достижения германскими военно-морскими силами мощи 2/3 британских как защиты от нападения со стороны последних многократно возросли. Поэтому начатая еще до 1906 г. работа по дополнению флотского закона 1900 г. должна была получить свое завершение. Несомненно, свою лепту в это дело внес и К. Керпер. Перед ним по-прежнему стояло несколько задач. Одна из главных заключалась в сборе необходимой информации, помогающей разработке германских кораблей дредноутного типа. В частности, к осени 1906 г., когда работа в этом направлении шла полным ходом, в ведомстве А. Тирпица благодаря стараниям К. Керпера уже располагали достаточно полными данными не только о Dreadnoughts, но и об абсолютно новом линейном крейсере Invincible, также совершившим, как и его чуть более ранний «боевой сородич», революционный прорыв в крейсерском кораблестроении [14].

При этом необходимо отметить, что сбор информации о новых типах британских судов был трудной работой. Помимо решения проблемы секретности, в том числе по каналам личных связей с высокопоставленными чинами Адмиралтейства, атташе приходилось проявлять недюжинные аналитические способности по профессии. В открытой специализированной и общедоступной печати, безусловно, с разными целями, в том числе и дезинформирующего характера, появлялось немало интересных сведений. Однако все это требовало тщательного изучения, просеивания, отделения «зерен от плевел». В августе 1906 г. германский военно-морской атташе добыл очень важные сведения, касающиеся предварительных планов развития британских военно-морских сил на период до 1917 г. и оценок соотношения их к немецкому флоту [15]. Это, безусловно, способствовало корректировке сроков

принятия Германией флотской новеллы в сторону их сокращения. К тому же предоставленные атташе данные позволяли А. Тирпицу и кайзеру Вильгельму II видеть понимание англичанами германского флотского потенциала. К их удовлетворению, британцы явно недооценивали противную сторону.

Другой, не менее важной, задачей, поставленной высшим руководством и решаемой К. Керпером, было камуфлирование реализации германской флотской программы, максимальное, насколько это было возможно в тех условиях, ее затенение [16. С. 140]. Такие действия получали всемерное одобрение и поддержку кайзера Вильгельма II, поскольку полным ходом шли работы по подготовке и принятию очередной второй флотской новеллы [17. С. 35–37]. При этом, конечно же, атташе должен был в постоянном режиме уведомлять Берлин о настроениях в английском обществе, их колебаниях, изменениях, а также факторах, влиявших на этот процесс. Одной из неутешающих его констатаций являлось неспасаемое антигерманское расположение духа британцев. К. Керпер отмечал в одном из своих донесений в ноябре 1906 г., что в Лондоне прекрасно понимали обратную сторону дредноутной революции – практическую нивелировку английских морских преимуществ в этом классе боевых судов пред немцами. Как следствие этого – раздувание в обществе страхов относительно германской угрозы [18]. Поэтому неудивительно, что влиятельные круги страны вели публичные разговоры о необходимости превентивного удара, о чем сообщали и В. Меттерних, и К. Керпер. Последний доводил до сведения А. Тирпица материалы закрытого характера, влиявшие на корректировку не только флотского закона 1900 г. в виде очередной новеллы, но и планов ведения возможной сухопутной войны против коалиции Франции и Великобритании. Так, в первой декаде марта 1907 г. атташе информировал о докладах британских военных, сделанных ими в разных государственных структурах. В них шла речь о целях планируемых военных действий англичан на материковой части Европы против Германии с указанием примерной численности войск [19].

К. Керпер до конца пребывания на посту военно-морского атташе (31 марта 1907 г.) тщательнейшим образом отслеживал и анализировал все нюансы антинемецких выступлений британской политической и военной элиты. От его внимательного взгляда не ускользнуло, что возникшие в парламенте внешние разногласия между пришедшими в январе 1906 г. к власти либералами и их оппонентами консерваторами относительно морского бюджета в 1907/1908 г. (либералы выступали за сокращение расходов, а консерваторы – за увеличение) не носят принципиального характера. К. Керпер давал этому простое объяснение: «миролюбивые» либералы ни в коем случае не ставили под сомнение политику традиционного британского «двухдержавного» морского стандарта. Они полагали, что преимущество англичан настолько очевидно, что предпринимать какие-то экстраординарные меры из-за немцев в данный момент не стоит. Германский военно-морской атташе сразу понял и смысл заявленной официальным Лондоном инициативы об ограничении морских вооружений

на Гаагской мирной конференции 1907 г., на которую он призывал серьезно не реагировать, поскольку считал все это блефом. По его мнению, подтвержденному последующими событиями, критика так называемых «мирных предложений» либералов со стороны консерваторов в итоге приведет к «морской панике», и все закончится усилением флотского строительства англичан.

При всем имеющемся в британском обществе негативе к кайзеровской империи атташе фиксировал в нем и несколько другие настроения. Они, как он справедливо полагал, носили более примирительный характер и давали определенную надежду на то, что имеющиеся межгосударственные противоречия не выльются в нечто серьезное и опасное. В частности, речь шла о деловой части Лондона, Сити, где считали, что в ближайшее время войны между Великобританией и Германией не будет. Кроме того, в начале марта 1907 г. К. Керпер сообщал в Берлин, что на Британских островах распространяется информация, правда, на уровне слухов, о том, что четыре мировые державы – Великобритания, Германия, Франция и Япония – якобы готовят соглашение, касающееся Дальнего Востока. Это также косвенным образом свидетельствовало об отсутствии воинственных намерений англичан. Правда, в середине марта 1907 г. агентство Рейтер опровергло все эти толки.

31 марта 1907 г. К. Керпер официально закончил свою миссию германского военно-морского атташе в Лондоне из-за того, что создал «некоторые затруднения в дипломатии». Можно предположить, что речь шла о противоречиях между ним и послом В. Меттернихом, проводившим линию на сглаживание германо-британских разногласий, главным образом по «морским делам». А. Тирпицу в условиях подготовки очередной флотской новеллы не нужны были конфликты с иностранным ведомством, патронируемым рейхсканцлером Б. Бюловым. На тот момент глава правительства формально еще поддерживал все флотские законопроекты, но дух «фронды» в нем уже начал зарождаться.

1 апреля 1907 г. пост военно-морского атташе занял более молодой и энергичный В. Виденман. Он должен был решать те же самые задачи, что и его предшественник. Разница заключалась только в усложнении внешних условий их реализации. Это обуславливалось усилением антигерманских настроенностей в британском обществе. Там стало известно, что немцы готовят «очередной сюрприз» в виде следующей новеллы. К концу 1907 г. новость стала почти «бородатой». Высокопоставленные чины Форин Офис открыто заявляли, что подобными действиями германское правительство явно готовит войну с Великобританией [20. С. 396]. В. Виденману поручалось по своим каналам общения убеждать британских партнеров в том, что их страхи совершенно необоснованны, особенно с учетом трехкратного английского флотского превосходства над немецким и более высоких темпов военного судостроения [21].

Параллельно с этим атташе внимательнейшим образом отслеживал все перипетии предстоящих обсуждений морского бюджета на 1908/1909 г. Он доводил до сведения А. Тирпица, что в этот раз англичане не

будут изображать из себя «благородных миротворцев», как это было в предшествующем году, и с учетом известных им намерений немцев явно увеличат ассигнования на флот [22]. Даже морского министра Э. Туидмаута, не пользовавшегося, мягко говоря, большим авторитетом в лондонских кругах по причине его непрофессионализма, морской атташе считал «ястребом», т.е. сторонником усиления британских военно-морских сил [23]. Увеличение морского бюджета, несмотря на критику политики либералов со стороны консерваторов, было не столь значительно по сравнению с 1907/1908 г. Однако В. Виденман отметил одно очень важное обстоятельство: с мартовских 1908 г. прений по морскому бюджету в британском парламенте между партиями утвердился консенсус по вопросу о том, что отныне Германия является фактически главным антагонистом и именно против нее будет направлена вся морская политика государства, т.е. стратегия «двухдержавного стандарта». Это же подтвердил В. Меттерних в своих посланиях к рейхсканцлеру Б. Бюлову, немало повлияв на трансформацию его взглядов относительно темпов и сроков германского флотского строительства, превратив его в чуть ли не открытого противника создания линейных кораблей. В ведомстве А. Тирпица из донесений атташе из Лондона сделали свои выводы. Там еще больше укрепилось мнение в правильности и необходимости скорейшего завершения обсуждения и принятия новеллы рейхстагом, чтобы ускорить создание современного немецкого флота.

После утверждения документа в апреле 1908 г. и фиксации нового так называемого «четырёхтактного» темпа сооружения судов на Британских островах вновь поднялась волна военной истерии. В. Виденману предписывалось сообщать обо всех эволюционных тенденциях данного явления, чтобы не пропустить, что называется, критического момента, когда после слов уже могли начаться реальные действия не только политиков, но и военных. И здесь многое зависело от информированности, знаний, рассудительности, умений глубокой аналитики и в конце концов предчувствия атташе. А размышлять и делать соответствующие выводы было из чего. Идея превентивного удара по Германии летом 1908 г. просто витала в воздухе британского общества [24. Р. 3–4].

С июня того же 1908 г. В. Виденман был вовлечен в работу сразу по нескольким направлениям. Одно из них касалось начавшихся попыток заключить германо-британское морское и политическое соглашение. Инициатором этого процесса с немецкой стороны стал Б. Бюлов, считавшим теперь, что Германия не может одновременно иметь и сильную сухопутную армию, и флот, потому необходимо договариваться с британцами, иначе будет война с трагическими последствиями для рейха. А. Тирпиц был категорически против такого подхода к решению флотской проблемы в межгосударственных отношениях. Он по-прежнему стоял на позициях если не замалчивания, то во всяком случае осмотрительной сдержанности в рассуждениях относительно германской строительной военно-морской программы официальных лиц, недопущения превращения этого вопроса в международный. Вместе с тем

противиться усилиям рейхсканцлера договориться с англичанами он не мог, исходя в том числе из тактических соображений: переговорный процесс давал время для продолжения сооружения современных боевых судов. Поэтому В. Виденману давалось указание не конфликтовать с В. Меттернихом как главным adeptом политико-морского договора между двумя странами, быть внимательным и осмотрительным в разговорах с британскими коллегами, касающимися реализации германской флотской программы, убирать все страхи о якобы возможной угрозе германского нападения и собирать максимально возможные данные о королевских военно-морских силах.

Представляется, что последние два направления деятельности атташе были приоритетными, потому что трудно вообразить, чтобы А. Тирпиц, кайзер Вильгельм II пошли бы на соглашение с англичанами путем отказа от реализации запланированного флотского строительства. Такое, наверное, стало бы возможным только в случае отставки главы германского военно-морского ведомства и отречения императора от престола. Однако допустить подобное даже чисто гипотетически в 1908 г. после утверждения флотской новеллы, ставшей апогеем тирпицевской политики, было просто невозможно. Глава морского ведомства находился в полном расцвете «административных» сил и возможностей, его положение как государственного деятеля было как никогда прочным, влияние на формирование военно-морской и внешней политики страны признавалось не только внутри Германии, но и за ее пределами, и в первую очередь в Великобритании. В глазах ее общественности он вообще выступал в образе чуть ли ни «зловещего демона», влиявшего на все и вся.

Подтверждением тезиса о важности «разъяснительной работы» о намерениях Германии для В. Виденмана служили многочисленные встречи и интервью официальным лицам, немецким и зарубежным журналистам, которые давали в течение второй половины 1908 г. и начала 1909 г. А. Тирпиц и кайзер Вильгельм II [25. S. 69–72]. Однако все эти усилия не приводили к положительному результату, что, по мнению атташе, неизбежно должно было привести к увеличению английского морского бюджета в 1909/1910 г., причем очень заметному. В сентябре 1908 г. в одном из донесений А. Тирпицу он спрогнозировал это [26]. По его расчетам, британцы в ближайший 1908 г. станут закладывать шесть линейных кораблей, а в 1909 г. – двенадцать, в 1910 – шесть, а с 1911 по 1917 г. – по четыре. В ноябре 1908 г. он, правда, скорректировал прогноз и констатировал, что в 1909 г. англичане начнут строительство семи судов дредноутного типа. Как показали последующие события, этот расчет был несколько ошибочным, но не принципиально. Общий посыл В. Виденмана отразил совершенно правильно. Великобритания находилась накануне грандиозного «морского скандала», виновником которого, безусловно, должна была выступить Германия. Так называемая «морская паника» в марте 1909 г. полностью подтвердила спрогнозированный сценарий. Кроме того, атташе, пусть и косвенно, предопределил и повод для «большого смятения». Дело в том, что В. Виденман

представил добытый им анализ соотношения флотов двух стран, сделанный англичанами. Из этого документа явнл следовало, что британцы не учли все строящиеся немецкие боевые корабли. Вроде как это было и хорошо. Однако раскрытие ошибки могло повлечь серьезные внешнеполитические последствия. А. Тирпиц это прекрасно понимал и дал указание В. Виденману проинформировать В. Меттерниха о выявленных неучтенных немецких кораблях, чтобы избежать обвинения со стороны англичан в утаивании данных и не допустить раскручивания антигерманского «кликшества».

Говоря о возможном резком увеличении морского бюджета Великобритании уже в 1909 г., атташе отмечал, что находящаяся у власти либеральная партия одновременно с этим попытается решать одну из значимых внутренних социально-экономических проблем – проблему безработицы. Вряд ли подобный шаг, по его мнению, будет вызывать возражение у оппозиции. Напротив, последняя поддержит правящую партию. Таким образом, заключал В. Виденман, под знаменем борьбы с нарастающей германской морской угрозой, которая является проблемой для британских властей, произойдут усиление либералов, сплочение английской нации, появится действенный мотиватор дальнейшего экономического развития страны.

В Берлине было над чем задуматься. С одной стороны, англичане, вроде бы, по всем формальным причинам должны успокоиться. Ведь они не смогли предотвратить принятие новеллы 1908 г. Как результат – нацелили свою «двухдержавность» исключительно против «ненавистных партнеров». На Вильгельмштрассе думали, что после всего этого на Даунинг-стрит прекратят болезненно реагировать на германскую военно-морскую программу. С другой стороны, и в немецком военно-морском ведомстве, и министерстве иностранных дел на основании тех же донесений В. Виденмана вполне допускали, что официальный Лондон попытается выжать максимум позитивно возможного из сложившегося положения и на «внутреннем», и на «внешнем» фронте, т.е. будет решать собственные социально-экономические проблемы и «кошмарить» европейскую общественность не только сухопутной, но и морской «тевтонской» угрозой [27].

Здесь следует отметить, что В. Виденман был не совсем согласен с берлинским тезисом, что британцы со второй половины 1908 г. в своей военно-морской политике стали ориентироваться исключительно на германские показатели. Он считал это правдой, но не всей. И в «морской панике» 1909 г., проходившей внешне под антигерманским лозунгом, как он полагал, свою роль сыграло и «американское обстоятельство». В. Виденман указывал, что число дредноутов, заложенных на стапелях Германии и США к концу 1908 г., превосходило английские на шесть единиц. Конечно же, США не рассматривались Великобританией в качестве главного конкурента в отличие от Германии, но игнорировать военно-морской потенциал американского государства в Лондоне тоже не могли. Поэтому представляется, что довод В. Виденмана вполне обоснован и позволяет глубже понять причины разразившегося в марте 1909 г. кризиса.

Британское морское «весеннее обострение» 1909 г. уже достаточно подробно рассмотрено во многих работах, и нет смысла вдаваться в его подробности. Можно лишь отметить еще раз, что оно было спрогнозировано немецким военно-морским атташе и определено им в его результатах. «Морской панике», благодаря многочисленным заявлениям официальных и неофициальных, но авторитетных, лиц, транслируемым в народные массы, предшествовала беспрецедентная возбужденность английской общественности относительно якобы германского вторжения на Британские острова. Об этом активно писали многие зарубежные издания, в том числе и российские. Таким образом, психологически британская публика была подготовлена к «правильному» восприятию сведений об очередной «коварной уловке» немцев – досрочной закладке на стапелях двух dreadnoughtов в 1908 г. вместо 1909 г. Все усилия того же В. Виденмана, посла В. Меттерниха, не говоря уже других высокопоставленных чинах рейха, объяснить противоположной стороне, что этот шаг никаким образом не нарушает общих показателей, предусмотренных новеллой 1908 г., были напрасными [28].

Нарастающая напряженность между двумя странами, вызванная якобы действиями немцев по ускорению реализации флотского закона 1900 г. с его дополнением в виде новеллы 1908 г., расколола германское руководство относительно перспектив военно-морского строительства и возможности договоренности с Великобританией с целью избежания войны. Условно сформировалось два лагеря. Первый составляли рейхсканцлер Б. Бюлов, статс-секретарь иностранных дел В. Шoen, посол В. Меттерних. Они выступали за ограничение темпов военного судостроения, придание ему исключительно оборонной направленности, т.е., по сути, требовали отказа от сооружения линейных кораблей, поскольку были убеждены в том, что именно германская морская программа является источником всех проблем в межгосударственных отношениях [29. S. 45–49]. На основе такого плана ограничений, по их мнению, возможно заключение договора с Великобританией о ее нейтралитете в случае европейской войны.

В другой лагерь входили кайзер Вильгельм II и А. Тирпиц, считавшие, что корни германо-британских осложнений уходят в область торгово-промышленной конкуренции. Они неукоснительно держались линии полного выполнения всех пунктов флотского законодательства и допускали вероятность соглашения с англичанами, но только на основе формулы соотношения флотов 3:4 или 2:3. В. Виденман в основном разделял эти взгляды, хотя по поводу последней формулы считал, что ее исполнение будет больше выгодно англичанам, чем немцам. В целом же он был убежденным «тирпицианцем», обеспечивал свое руководство хорошо аналитически продуманной и тщательно выверенной информацией. Атташе, несмотря внешне зашкаливающую германофобию в Великобритании в конце 1908 – начале 1909 г., без сомнений, полагал, что войны на данный момент не будет. Как, собственно говоря, он ее не прогнозировал, и когда на Британских островах стало известно о готовившейся очередной флотской новелле 1912 г. Более того, он убеждал своего

шефа в скорейшем ее принятии, поскольку британцы все равно воспримут это как неизбежность [30]. Тем самым атташе подкреплял А. Тирпица в правильности выбранных им стратегии и тактики во взаимоотношениях с англичанами.

В. Виденман полагал, что предпринимавшиеся после марта 1909 г. в течение нескольких месяцев попытки добиться договоренности между Берлином и Лондоном по флоту не могут закончиться ничем, кроме как неудачей. Британцы в этом отношении, по его мнению, недоговороспособны. Они не будут жертвовать интересами Франции и России, а следовательно, и своими, чтобы решить проблему «квадратуры куба немецкой флотской угрозы». Последующие события в переговорном процессе показали правоту немецкого военно-морского атташе. Со второй половины 1909 г. В. Виденман приходит к однозначному мнению, что в глазах англичан Германия безальтернативно становится их главным соперником на море. И все усилия переубедить их в обратном обречены на провал. Немецкий представитель иллюстрировал это в своих донесениях неоднократными свидетельствами. Так, он отмечал, что в Адмиралтействе откровенно игнорировали передаваемые им данные о состоянии германского флота. Объяснение такого поведения В. Виденманом было простым и понятным: Лондон уже определился в морской стратегии и последовательно ведет ее реализацию. В этой «дорожной карте» нет места политическому и морскому договорам, которые бы отвечали интересам Германии.

Вместе с тем он не исключал пусть небольшого, но все-таки шанса на успех в очередном заходе на круг заключения германо-британского соглашения по флоту, предпринятом в ходе визита военного министра Р. Холдена в Берлин в 8–11 февраля 1912 г. Однако справедливости ради необходимо подчеркнуть, что атташе больше склонялся к отрицательному прогнозу. Он на основании своего опыта, знаний нравов и ценностей лондонских политиков, а также имеющейся в его распоряжении информации полагал, что все «переговорные потуги» англичан, в том числе и февральские 1912 г., продиктованы единственной целью – раздробить флотский закон, затормозить его выполнение. А. Тирпиц был с этим согласен. И именно в том числе и по этой причине глава германского военно-морского ведомства проявил неуступчивость на переговорах с Р. Холденом.

После провала миссии Р. Холдена В. Виденман проработал еще полтора месяца, а затем 4 апреля 1912 г. был отозван с поста военно-морского атташе. Усилия посла В. Меттерниха, добивавшегося с конца 1911 г. его отставки из-за расхождения взглядов относительно темпов флотского строительства и необходимости подписания договора с Великобританией, принесли свой результат. Несомненно, А. Тирпиц потерял в лице В. Виденмана надежного, проницательно-умного, исполнительного соратника, помогавшего ему в главном деле – реализации программы военно-морского строительства в исключительных интересах рейха.

Главным германским военно-морским резидентом в России в 1903–1908 гг. был П. Гинце. 15 июля 1903 г.

в чине капитан-лейтенанта он прибыл в Петербург для исполнения обязанностей военно-морского атташе Северных империй. Его знания и профессионализм высоко ценили в Берлине, и были разные заманчивые перспективы его дальнейшей карьеры. Однако, исходя из значимости «северного и главным образом русского направления» германской внешней и военно-морской политики, он получил назначение в столицу российского государства. О важности его миссии говорит хотя бы тот факт, что он имел право прямого обращения к императору Вильгельму II, минуя своего непосредственного начальника А. Тирпица. Он выполнял личные поручения кайзера к царю Николаю II. За короткий срок П. Гинце сумел наладить хорошие деловые и человеческие отношения с представителями российского двора, старшими морскими офицерами Балтийского и Черноморского флотов. Поэтому у него были самые разные источники информации, позволяющие ему проводить глубокое исследование российской морской и внешней политики. Соответственно, это помогло официальному Берлину выстраивать и при необходимости корректировать стратегию и тактику в отношении большого восточного соседа.

С учетом целей внешней стратегии кайзеровской Германии перед П. Гинце на разных этапах его службы стояли разные задачи. В период 1903 – до середины 1905 г. одним из главных считалось определение союзоспособности России на море, точного диагностирования боевого потенциала российского флота в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., видов его на победу, устойчивости царского режима в условиях революции. Поэтому атташе тщательно собирал и анализировал данные, касающиеся названных аспектов. Известно, что он собирался отправиться в дальний поход со Второй Тихоокеанской эскадрой под командованием контр-адмирала З.П. Рожественского [31]. Однако А. Тирпиц отказал ему в этой просьбе, посчитав данное предприятие слишком рискованным, несмотря на безусловную военно-техническую ценность сообщений из такого «путешествия».

Анализ донесений П. Гинце 1904–1905 гг. показывает, что немецкий атташе был крайне осторожен в своих прогнозах относительно возможного успеха России в противостоянии с Японией. Хотя еще до отправки Второй Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток он констатировал определенный пессимизм у З.П. Рожественского, неверие в успех экспедиции. Это, как считал П. Гинце, не предвещало ничего хорошего. Ситуация окончательно прояснилась после Цусимского сражения в мае 1905 г. При этом он отмечал, что даже в июле 1905 г. царь Николай II, военное и военно-морское руководство страны делали заявления о намерении продолжать войну. Правда, П. Гинце оценивал их не иначе как способ психологического воздействия на переговорах с японцами по заключению мирного договора. Что касается прочности царской власти в стране, оказавшейся в пожаре революционных выступлений, в том числе в войсковых и флотских подразделениях, то здесь германский атташе был однозначно убежден, что армия и флот благонадежны и являются опорой власти [32].

Императорская Россия при всех ее поствоенных особенностях по-прежнему входила в «концерт великих держав». Вопрос корреляции ее морской и внешней политики в отношении Антанты или Тройственного союза даже после 1907 г., когда Петербург и Лондон подписали конвенцию о разграничении интересов в Азии, по-прежнему играл большую роль в германских стратегических планах. И в этом отношении донесения П. Гинце, без всякого преувеличения, помогали вырабатывать А. Тирпицу и В. Шоену «русскую» линию. На аудиенциях с Николаем II, которых удоставлялся германский атташе в течение 1906 г., он ненавязчиво педалировал тему необходимости концентрации российских сил на Дальнем Востоке против «желтой угрозы». Это была своеобразная реплика довоенной стратегии внешнеполитического ведомства кайзеровской Германии переключения интересов России с Запада на Восток, чтобы спокойно решать свои европейские проблемы, не опасаясь за «восточные тылы». Впрочем, как доносил П. Гинце, царь крайне спокойно относился к подобным пассажам, понимая их истинный смысл, заверяя немецкого представителя в отсутствии намерений предпринимать враждебные действия против его государства [33]. В Берлине после таких данных приходили к выводу, что второй раз русских на «желтого живца» не поймать.

В последующем подобные разговоры не велись, поскольку России приходилось решать уже другие, более насущные и значимые для нее, внешнеполитические проблемы. Одной из них стал Боснийский кризис 1908–1909 гг., когда произошло серьезное обострение русско-германских отношений по причине аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Подвергнув всестороннему анализу настроения в русском правящем слое на разных этапах его развития, П. Гинце уже в ранге военного уполномоченного приходил к выводу, что Россия не будет воевать с австро-венграми, союзниками немцев, по внутренним и внешним причинам. Внутренняя определялась неготовностью ее сухопутных и военно-морских сил [34. С. 237], внешняя сводилась к нежеланию потенциальных союзников в этом вопросе, прежде всего Франции, Великобритании и Италии, поддерживать амбиции России в отношении проливов Босфор и Дарданеллы. К тому же твердая немецкая поддержка Австро-Венгрии также «умиротворила» русских. Как полагал П. Гинце, после событий, связанных с захватом двух балканских земель, Россия будет готовиться к противостоянию с Германией и Двуетной монархией осознано и основательно.

Значимую часть посланий атташе занимали вопросы, связанные с военно-морскими планами России после 1905 г. Это уже было важно в первую очередь для А. Тирпица, поскольку Россия теперь рассматривалась, скорее всего, как союзник Великобритании, способный оттянуть на себя в Балтийском море определенную часть немецких боевых судов, так необходимых против англичан. П. Гинце не без оснований считал, что после ощутимого поражения в войне против Японии развитие русского флота на Балтике будет носить в основном оборонный характер. Утверждение так называемой «Малой судостроительной програм-

мы» в 1907 г. не изменило его мнения в этом отношении. Он полагал, что в российском Морском министерстве прекрасно понимали, что основные линейные корабли немцев станут сосредоточиваться в Северном море, а потому строить большие корабли для Балтики не имеет смысла. Дешевле и эффективнее будет использовать береговые броненосцы, миноносцы и подводные лодки [35]. Имеющиеся порты приспособлены именно под эти типы судов, а не под линейные корабли. Общение с гражданскими и военно-морскими представителями российского истеблишмента, личная поездка на юг России, на Черное море, убедили П. Гинце в том, что Россия в строительстве флота и во внешней политике начинает ориентироваться на решение вопросов проливов. Это неизбежно приведет ее в стан Великобритании и Франции, являющихся одними из главных акторов мировой ближневосточной политики. При этом П. Гинце считал, что союз русских и англичан не может быть крепким и долгосрочным по причине их исторической «антипатии» друг к другу [36]. Оценивая же реально военно-морской потенциал России на юге, он без малейших колебаний констатировал невозможность на тот момент каких-либо активных действий русских в отношении проливов из-за отсутствия у них для этого необходимых боевых кораблей и талантливых военных руководителей, способных подготовить и провести серьезную и результативную морскую операцию [37]. Поэтому в Берлине могли быть спокойны и не отвлекать значимые силы и средства для нейтрализации «деструктивных» усилий Петербурга в Османской империи и больше концентрироваться на главном для них английском направлении.

С 10 сентября 1908 г. по 11 октября 1911 г. П. Гинце занимал должность военного уполномоченного Германии в России, и круг его обязанностей значительно возрос. После него пост военно-морского атташе Северных империй занимал В. Кейзерлинг (1 октября 1908 – 30 сентября 1912 гг.). Однако его донесения уже не несли на себе печать глубокого и всестороннего военно-политического анализа в силу целого ряда причин, в том числе и того, что новый атташе был больше «технарем», «статистом», т.е. в своих реляциях делал акцент, скорее, на военно-техническую компоненту, констатировал существующее положение дел, далеко не всегда проникая в их корневую причину. Да и в целом «русская» стратегия поведения Берлина к этому времени по главным пунктам уже определилась, и потому не требовалась гинцевская «щепетильность и тщательность» в проработки стратегических вопросов. Следует также признать, что В. Кейзерлинг не обладал той открытостью, коммуникабельностью и высочайшим профессионализмом, которые были у П. Гинце и по достоинству оценены в Берлине не только в виде достойных наград, но и предложений занять высокие должности. Подтверждением тому могут служить последующие этапы государственной службы «кайзеровского любимца». Завершив карьеру в России, П. Гинце благодаря, прежде всего, своим деловым и человеческим качествам и, конечно, протекции был отправлен послом в Мексику, а затем последовательно в Китай и Норвегию, где блестяще решал поставленные перед ним за-

дачи. В итоге он дослужился до министра иностранных дел Германии и после окончания Первой мировой войны был чуть ли не единственным немцем – «персоной грата» на международных конференциях.

Тем не менее если давать общую оценку деятельности В. Кейзерлинга в Петербурге в период с октября 1908 по конец сентября 1912 г., то она будет положительной. Атташе вносил свою лепту в «просвещение» А. Тирпица относительно состояния дел у русских на Черном море. Он, как и П. Гинце, констатировал не очень высокую боеготовность российского флота, объясняя это множеством причин, в числе которых называл недостаточное финансирование, ошибки в боевой подготовке экипажей, доминирование теории над практикой и др. [38]. Особое внимание он уделил при этом «человеческому фактору». Германский представитель отмечал «крестьянский» дух русских матросов, привязанных скорее к земле, чем морю, а потому не особо стремившихся овладеть хорошо закрепленными навыками профессиональных моряков [39]. Значимый акцент В. Кейзерлинг делал на характеристике руководящего состава Черноморского флота. Он в этом смысле являлся последовательным продолжателем той работы, которую начал еще П. Гинце в 1905–1908 гг. – информировал А. Тирпица о качестве подготовки офицеров разных уровней к решению боевых задач. Как считал В. Кейзерлинг, в этой сфере у русских по-прежнему были большие проблемы. В частности, он отмечал слабые навыки судовождения, особенно в непростых погодных условиях, у молодых офицеров. Согласно устаревшим инструкциям, из-за боязни всякого рода неприятных инцидентов, по замечанию атташе, их держали в состоянии «урезанной практики». Такой же недостаток реальной, живой, практической деятельности В. Кейзерлинг отмечал и у назначенного в 1911 г. командующего российскими Морскими силами Черного моря вице-адмирала А.А. Эбергарда, штабного военного. От него зависела вся последующая учебно-тренировочная работа на флоте, требовавшая, несомненно, серьезного внимания и значительного усиления [40].

Подводя итог краткому анализу германских донесений военно-морских атташе в Великобритании и России в период 1904–1912 гг. и их влияния на формирование морской политики рейха, необходимо отметить, что К. Керпер, В. Виденман, П. Гинце, В. Кейзерлинг были профессионалами своего дела. Их послания, главным образом первых трех, отличались глубокой и всесторонней аналитикой не только военно-морских проблем, но и политических вопросов, что, собственно, и отличало их от других атташе и создавало проблемы в их деятельности, в частности К. Керперу и В. Виденману. Их линия «за границами морских дел» не всегда совпадала с тем, что предпринимал посол В. Меттерних. Это позволяло кайзеру Вильгельму II и А. Тирпицу выстраивать продуманную стратегию морской политики по отношению к главному оппоненту на море – Великобритании, и вначале потенциальному союзнику, а затем сопернику – России. Благодаря содержательным посланиям из Лондона в 1904–1912 гг. германское руководство сумело отстоять главные положения флотского закона 1900 г. со всеми

его дополнениями в виде новелл 1906, 1908 и 1912 гг. на предварительных переговорах с англичанами по заключению морского и политического соглашений, не поддаваться на угрозу войны, не уступить британскому прессингу. Если же «градиловать» влияние К. Керпера и В. Виденмана на формирование морской политики кайзеровской Германии, то необходимо отметить преимущество последнего. В донесениях К. Керпера было больше статистики, чем глубокого анализа, а тем более прогнозирования, что отличало послания В. Виденмана.

Реляции П. Гинце из Петербурга в 1904–1908 гг. помогали формировать политику в отношении России на завершающем этапе ее противостояния с Японией, способствовали пониманию основанного направления ее флотской политики после 1905 г., определению готовности флота и сухопутной армии к боевым дей-

ствиям в кризисный период боснийских событий 1908–1909 гг. Информация, которую предоставлял В. Кейзерлинг в 1908–1912 гг., безусловно, тоже представляла ценность для ведомства А. Тирпица. Однако она уже принципиально не меняла стратегию морской политики кайзеровской Германии в отношении России, но дополняла ее в тактических изменениях, в частности в отношении Черноморского флота, оценках его боеготовности.

В целом можно констатировать, что германские военно-морские атташе в Лондоне и Петербурге в 1904–1912 гг. являлись ответственными исполнителями директив из Берлина, а В. Виденмана и П. Гинце даже следует отнести к активным соработникам, сотворцам формирования морской и в определенной степени общеполитической стратегии кайзеровской Германии в отношении Великобритании и России.

Список источников

1. Бюлов Б. Воспоминания / пер. с нем. под ред. и с предисл. В.М. Хвостова. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 562 с.
2. Dokumente zur deutschen Geschichte, 1897/98–1914 / Hrsg. u. Bearb. von D. Fricke. Berlin : Dt. Verl. der Wissenschaften, 1976. Bd. 1: 1897/98–1904. 139 S.
3. British documents on the origins of the war, 1898–1914 / ed. by G.P. Gooch, H. Temperley. London : H.M. Stationery Off., Johnson Reprint, 1967. Vol. 6: Anglo-German tension: Armaments and negotiation, 1907–12. 867 p.
4. Marder A.J. From the Dreadnought to Scapa Flow – The Royal Navy in the Fisher era. London : Oxford University Press, 1961. Vol. 1. 464 p.
5. Ткаченко А.Ф. Морской биографический словарь. Луганск : Шико ; Виртуальная реальность, 2008. 488 с.
6. Список военно-морских атташе Германского рейха // Википедия. URL: [https://deru.abcdef.wiki/wiki/Liste_der_Marineattachés_des_Deutschen_Reiches#Vereinigtes_Königreich_\(Großbritannien\)](https://deru.abcdef.wiki/wiki/Liste_der_Marineattachés_des_Deutschen_Reiches#Vereinigtes_Königreich_(Großbritannien)) (дата обращения 18.04. 2022).
7. Dülffer J. Regeln gegen den Krieg. Die Hager Friedenskonferenzen von 1899 und 1907 in der internationalen Politik. Berlin ; Frankfurt a. M. ; Wien : Ullstein, 1981. 434 S.
8. Berghahn V.R., Deist W. Rüstung im Zeichen der wilhelmischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890–1914. Düsseldorf : Droste Verl., 1988. 386 S.
9. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. Bd. 19/II: Der Russisch-Japanische Krieg. 674 S.
10. Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890–1911 / Hrsg. von M. Bohnen. Darmstadt : Deutscher Verl., 1977. 443 S.
11. Schultheß' Europäischer Geschichtskalender. 1905. Bd. 46. 388 S.
12. Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917. Dokumente zur innen-und außenpolitischen Strategie und Taktik der herrschenden Klassen des Deutschen Reiches. Berlin : Akademie-Verl., 1977. 295 S.
13. Хвостов В.М. История дипломатии. / под ред. А.А. Громыко и др. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 2: Дипломатия в новое время, 1871–1914. 820 с.
14. Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD; далее BA-MA), Nachlaß Tirpitz № 253/9. S. 31–32.
15. BA-MA. RM 3/11655. Bl. 24.
16. Hopman A. Das ereignisreiche Leben eines “Wilhelminers“. Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920. München : R Oldenbourg, 2004. 1231 S.
17. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. Bd. 23/I: Die Zweite Haager Friedenskonferenz. Nordsee- und Ostsee-Abkommen, Erste Hälfte. 311 S.
18. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 112.
19. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 28.
20. Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М. : Изд-во иностр. лит., 1961. 695 с.
21. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. Bd. 24: Deutschland und die Westmächte 1907–1908. 516 S.
22. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 217–225.
23. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 212.
24. Fischer J. Memories. London : Hodder & Stoughton, 1919. 295 p.
25. Tirpitz A. Politische Dokumente. Berlin : Gotta, 1924. Bd. 1: Der Aufbau der deutschen Weltmacht. 460 s.
26. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 245–246, 251.
27. BA-MA. RM 3/2791. Bl. 48.
28. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 305–316.
29. Die Große Politik der europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. Bd. 28: England und die Deutsche Flotte 1908–1911. 442 S.
30. BA-MA. RM 3/2975. Bl. 28.
31. BA-MA. RM 3/2847. Bl. 43–45.
32. BA-MA. RM 3/41. Bl. 28–29.
33. BA-MA. RM 5/1505. Bl. 196.
34. Hintze v. P. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Hrsg. von J. Hürter. München : Haraldt Boldt Verl. im R. Oldenburg Verl., 1998. 754 S.
35. BA-MA. RM 2/1755. Bl. 21–23.
36. BA-MA. RM 3/2852. Bl. 28–30.

37. BA-MA. RM 5/1438. Bl. 23.
38. BA-MA. RM 3/2855. Bl. 18–20.
39. BA-MA. RM 3/2855. Bl. 33–35.
40. BA-MA. RM 3/2856. Bl. 34.

References

1. Bülow, B. (1935) *Vospominaniya* [Memories]. Translated from German. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo.
2. Fricke, D. (ed.) (1976) *Dokumente zur deutschen Geschichte, 1897/98–1914*. Bd. 1. 1897/98–1904. Berlin: Dt. Verl. der Wissenschaften.
3. Gooch, G.P. & Temperley, H. (eds) (1967a) *British documents on the origins of the war, 1898–1914*. Vol. 6. London: H. M. Stationery Off., Johnson Reprint.
4. Marder, A.J. (1961) *From the Dreadnought to Scapa Flow – The Royal Navy in the Fisher era*. Vol.1. London: Oxford University Press.
5. Tkachenko, A.F. (2008) *Morskoy biograficheskiy slovar'* [Marine Biographical Dictionary]. Lugansk: Shiko; Virtual'naya real'nost'.
6. Wikipedia. (n.d.) *Spisok voenno-morskikh attashe Germanskogo reykh* [List of naval attaches of the German Reich]. Translated from German. [Online] Available from: [https://deru.abcdef.wiki/wiki/Liste_der_Marineattachés_des_Deutschen_Reiches#Vereinigtes_Königreich_\(Großbritannien\)](https://deru.abcdef.wiki/wiki/Liste_der_Marineattachés_des_Deutschen_Reiches#Vereinigtes_Königreich_(Großbritannien)) (Accessed: 18th April 2022).
7. Dülffer, J. (1981) *Regeln gegen den Krieg. Die Hager Fridenskonferenzen von 1899 und 1907 in der internationalen Politik*. Berlin; Frankfurt a. M.; Wien.: Ullstein.
8. Berghahn V.R. & Deist, W. (1988) *Rüstung im Zeichen der wilhelmischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890–1914*. Düsseldorf: Droste Verl.
9. Lepsius, J. (ed.) (1927a) *Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*. Bd. 19/II. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.
10. Bohnen, M. (ed.) (1977) *Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890–1911*. Darmstadt: Deutscher Verl.
11. Germany. (1905) *Schultheß' Europäischer Geschichtskalender*. Bd. 46. Berlin: Heinrich Schulthess.
12. Germany. (1977) *Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917. Dokumente zur innenund außenpolitischen Strategie und Taktik der herrschenden Klassen des Deutschen Reiches*. Berlin: Akademie-Verl.
13. Khvostov, V.M. (1963) *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat.
14. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA), Nachlaß Tirpitz № 253/9. pp. 31–32.
15. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM3/11655. Bl. 24.
16. Hopman, A. (2004) *Das ereignisreiche Leben eines "Wilhelminers". Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920*. München: R Oldenbourg.
17. Lepsius, J. (ed.) (1927b) *Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*. Bd. 23/I. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.
18. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM3/2974. Bl. 112.
19. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM. 3/2974. Bl. 28.
20. Halgarten, G. (1961) *Imperializm do 1914 goda. Sotsiologicheskoe issledovanie germanskoy vneshney politiki do pervoy mirovoy voyny* [Imperialism before 1914. A sociological study of German foreign policy before the First World War]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
21. Lepsius, J. (ed.) (1927c) *Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*. Bd. 24. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.
22. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2974. Bl. 217–225.
23. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2974. Bl. 212.
24. Fischer, J. (1919) *Memories*. London: Hodder & Stoughton.
25. Tirpitz, A. (1924) *Politische Dokumente*. Bd. 1. Berlin: Gotta.
26. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2974. Bl. 245–246, 251.
27. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2791. Bl. 48.
28. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2974. Bl. 305–316.
29. Lepsius, J. (ed.) (1927d) *Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*. Bd. 28. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.
30. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2975. Bl. 28.
31. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2847. Bl. 43–45.
32. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/41. Bl. 28–29.
33. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM5/1505. Bl. 196.
34. Hintze, P. (1998) *Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918*. München: Haraldt Boldt Verl. im R. Oldenburg Verl.
35. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 2/1755. Bl. 21–23.
36. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2852. Bl. 28–30.
37. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 5/1438. Bl. 23.
38. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2855. Bl. 18–20.
39. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2855. Bl. 33–35.
40. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2856. Bl. 34.

Сведения об авторах:

Синегубов Станислав Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и методик их преподавания Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиала) Тюменского государственного университета (Ишим, Россия). E-mail: globus_75@inbox.ru

Шилов Сергей Павлович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории социально-гуманитарного института Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: sshilov@mail.ru

Кудрявцев Николай Викторович – кандидат исторических наук, директор филиала Югорского государственного университета (Сургут, Россия). E-mail: nvkudryavtsev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sinegubov Stanislav N. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Humanities and Methods of Their Teaching at the P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (a branch) of Tyumen State University (Ishim, Russian Federation). E-mail: globus_75@inbox.ru

Shilov Sergey P. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History at the Social and Humanities Institute of the University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: sshilov@mail.ru

Kudryavtsev Nikolai V. – Candidate of Historical Sciences, Director of a branch of Yugra State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: nvkudryavtsev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 23.05.2022; accepted for publication 01.08.2025